

«УЧЕНИК РЕАКЦИОННОГО АРХЕОЛОГА А. А. СПИЦЫНА»: К БИОГРАФИИ Н. И. РЕПНИКОВА В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

Игорь Львович Тихонов

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
I.Tikhonov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8489-7772>*

Аннотация. В статье рассматриваются малоизвестные страницы биографии российского археолога Н. И. Репникова в начале 1930-х гг., когда он был арестован и два месяца провел в заключении. В это время коллега по ГАИМК А. А. Миллер написал резко отрицательный отзыв о его научной деятельности, даже обвинив Н. И. Репникова в торговле древностями. Основной причиной такого скептического отношения к научной деятельности Н. И. Репникова являлась конкуренция школы палеоэтнологов, к которой принадлежал А. А. Миллер с учениками А. А. Спицына. Таким образом, на сложную идейно-политическую обстановку начала 1930-х гг., в которой оказались советские археологи, оказывали немалое влияние еще и взаимоотношения между различными группами ученых внутри научного сообщества.

Ключевые слова: Н. И. Репников, А. А. Миллер, ГАИМК, Старая Ладога, Крым, Этнографический отдел Русского музея, Эски-Кермен

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00782 «Историческая наука Петрограда–Ленинграда (1917–1934): центры, направления исследований, коллективная биография».

“A STUDENT OF THE REACTIONARY ARCHAEOLOGIST A. A. SPITSYN”: TO THE BIOGRAPHY OF N. I. REPNIKOV IN THE EARLY 1930S

Igor L. Tikhonov

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
I.Tikhonov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8489-7772>*

Abstract. This article discusses the little-known pages of the biography of the Russian archaeologist N. I. Repnikov in the early 1930s, when he was arrested and spent two months in prison. It was the time when his colleague from the GAIMK (State Academy for the History of Material Culture) A. A. Miller wrote a sharply negative review about Repnikov’s scholarly activities, accusing him of trading antiquities. The main reason for such a sceptical attitude to Repnikov’s academic works was the competition between the school of palaeoethnologists to which A. A. Miller belonged and A. A. Spitsyn’s students. This way, dramatic ideological and political situation of the early 1930s around the Soviet archaeologists was also greatly influenced by the relationship between various groups of researchers within the scholarly community.

Keywords: N. I. Repnikov, A. A. Miller, GAIMK, Staraya Ladoga, Crimea, Ethnographic Department of the Russian Museum, Eski-Kermen

Acknowledgements: The work was supported by RFBR grant no. 19-011-00782 “Historical Science of Petrograd–Leningrad (1917–1934): Centers, Research Directions, Collective Biography.”

© Тихонов И.Л., 2022

Имя и деятельность русского археолога Николая Ивановича Репникова (1882–1940) хорошо известны в истории отечественной археологии. Вскоре после его кончины коллеги опубликовали некролог в «Кратких сообщениях Института истории материальной культуры», называя его одним из старейших русских археологов [2]. В 1948 г. памяти Н. И. Репникова был посвящен сборник «Старая Ладога», подготовленный В. И. Равдоникасом и содержащий краткое описание работ на Земляном городище в 1909–1913 гг. [32].

Вновь интерес к личности и научному творчеству ученого появился только в начале XXI столетия. Внимание историографов привлекли исследования Н. И. Репникова на Северо-Западе России [13] и в Юго-Западном Крыму [6], его переписка с И. Э. Грабарем [20]. В 2009 г. к столетнему юбилею начала раскопок Земляного городища Старо-Ладожский музей-заповедник выпустил сборник, содержащий серию статей об исследованиях ученого в Старой Ладогe и Новгородской земле [3; 7; 16]. За последние годы появились несколько публикаций, посвященных как отдельным сюжетам его биографии [1], так и работам по изучению античных и средневековых памятников Крыма [11; 21; 22; 39; 40]. В 2019 г. вышел в свет подготовленный Н. И. Репниковым и его коллегами еще в 1936 г. «Гераклейский сборник» [4]. Соответственно, в целом жизненный путь и основные вехи научной деятельности ученого-археолога достаточно хорошо известны, тем более, что он сам их подробно описал в своей автобиографии, сохранившейся в архиве ИИМК РАН [15, Л. 2–5об.].

Можно лишь заметить, что в некоторых случаях Н. И. Репников допускал небольшие неточности, так, например, он закончил Санкт-Петербургский археологический институт не в 1904 г., как указывал в анкетах, а в 1903 г., во всяком случае, его фамилия фигурирует среди выпускников именно этого года [41, с. 63]. В 1904 г. он получил звание члена-сотрудника института. Это звание получали все выпускники, не имеющие высшего образования, в то время как имеющие его становились действительными членами института. Не стоит обольщаться по поводу больших знаний в области археологии, полученных там. В это время в институте читался всего один курс по археологии Н. И. Веселовским, который больше напоминал популярные лекции. Значительно лучше преподавался целый комплекс вспомогательных исторических дисциплин, изучающих как вещественные (нумизматика, сфрагистика), так и письменные источники (палеография, дипломатика) [33, с. 131–144].

В данной статье автор сосредотачивается только на небольшом этапе биографии Н. И. Репникова в начале 1930-х гг., совпавшим с началом его работы в Государственной академии истории материальной культуры (далее – ГАИМК). Не может не обращать на себя внимания факт отсутствия Н. И. Репникова ранее среди сотрудников этого ведущего в те годы археологического учреждения СССР. Трудно найти в Ленинграде той эпохи заметного археолога, который не работал бы в РАИМК – ГАИМК. Николай Иванович был чуть ли не единственным исключением из этого правила, и это притом, что он вполне успел проявить себя на поприще археологии еще в дореволюционное время. Широкую известность получили его раскопки гот-

ского могильника Суук-Су близ Гурзуфа в Крыму и Земляного городища Старой Ладogi. Статьи Н. И. Репникова выходили в изданиях Императорской археологической комиссии (ИАК) и Русского археологического общества (РАО). С 1902 г. он сотрудничал с Археологической комиссией, проводя раскопки по ее заданиям, в 1907 г. был избран членом-сотрудником РАО. На заседаниях Отделения русской и славянской археологии общества с 1902 по 1914 гг. он десять раз выступал с докладами о древностях Крыма и Новгородской земли [8, с. 45].

В феврале 1908 г. после смерти К. К. Косцюшко-Валюжинича Н. И. Репникову было поручено Археологической комиссией временно возглавить ее раскопки в Херсонесе, а в следующем году, когда отмечался пятидесятилетний юбилей комиссии, он был награжден памятным серебряным жетоном. 2 февраля 1911 г. его пригласили среди тридцати четырех гостей, в основном, штатных сотрудников Археологической комиссии или известных ученых, тесно сотрудничающих с ней, а также членов семьи графа А. А. Бобринского, участвовать в торжественном обеде по случаю двадцатипятилетней службы графа на посту председателя комиссии [10, с. 330, 335, 773]. Все это позволяет с полным основанием считать, что в Археологической комиссии Н. И. Репникова уважали и ценили. Поступив в октябре 1910 г. на работу в Этнографический отдел Русского музея и проводя раскопки в Старой Ладoge на средства музея, он до 1913 г. регулярно получал открытые листы от комиссии на эти исследования.

В 1915 г. Н. И. Репников получал открытый лист от ИАК на раскопки в пределах Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии, также ему было поручено фотографирование древних церквей и зданий в этой же губернии. В 1916 г. им был получен открытый лист на раскопки опять в Лодейнопольском уезде и Новолadoжском уезде Петроградской губернии. Если собранный большой фотоматериал поступил в Этнографический отдел [13, с. 121–122], то сведений о раскопках в Археологическую комиссию представлено не было. С осени 1916 по март 1918 гг. Н. И. Репников был мобилизован в армию и служил писарем при штабе, по возвращению в Петроград стал работать секретарем Главархива под руководством С. Ф. Платонова. Казалось бы, после преобразования в 1919 г. Археологической комиссии в РАИМК, ознаменовавшимся заметным увеличением штатов, ему могло бы найтись там место, но этого не произошло, поскольку нашлись весьма авторитетные недоброжелатели, о чем читатель узнает чуть ниже.

Н. И. Репников был принят в ГАИМК научным сотрудником I разряда только в самом конце 1929 г., когда там уже происходили серьезные перемены во всех сферах ее деятельности. С января этого года заместителем председателя академии стал член партии с дореволюционных времен Ф. В. Кипарисов. Причем, он не был прислан из центра для усиления партийной линии в руководстве ГАИМК, как считалось ранее, а был приглашен самим председателем Н. Я. Марром, чутко уловившим новые веяния. Вскоре руководство ГАИМК уже докладывало в Наркомпрос: «Взамен уволенных сотрудников были приглашены новые... Академией были при-

няты и другие меры, выразившиеся в перестройке организационных форм работы Академии, в создании Методологического бюро и приглашении целого ряда новых сотрудников с марксистскими установками, в частности членов ВКП(б)» [37, с. 271]. В условиях, когда Н. Я. Марр, обремененный большим количеством административных и общественных должностей и обуреваемый собственным «новым учение о языке», все менее занимался делами академии, реальное руководство сосредоточилось в руках товарища Кипарисова. На следующий год Н. Я. Марр пригласил в сотрудники ГАИМК еще одного партийца, бывшего чекиста, преподавателя Вятского пединститута С. Н. Быковского. В октябре 1929 г. он по рекомендации Н. Я. Марра принимал участие в работе Первого международного съезда славистов в Праге. «Теперь окончательно выясняется: состав советской делегации в Прагу был назначен Марром. Только этим можно объяснить, почему в ее состав попал никому не известный Быковский из Перми: он читал в Праге доклад о происхождении славян от яфетидов!!» – писал в письме к Б. М. Ляпунову член-корреспондент АН СССР славист Г. А. Ильинский [31, с. 81]. Через некоторое время С. Н. Быковский стал еще одним заместителем Н. Я. Марра в ГАИМК и редактором ее периодических изданий. В Академии начались идеологические чистки личного состава, в первую очередь увольнялись лица дворянского происхождения. Всю научную работу требовалось перестраивать на марксистский лад в духе социологизаторской школы М. Н. Покровского и «нового учения о языке» Н. Я. Марра.

Основным фактором, сыгравшим роль в привлечении беспартийного и очень далекого от любой политики археолога «старой школы» Н. И. Репникова к работе в ГАИМК в год «великого перелома», было стремление ее руководства взять под свой контроль перспективные исследования в горном Крыму, в частности, в пещерном городе Эски-Кермен, уже начатые Н. И. Репниковым в 1928 г. [21; 22; 39, с. 255–285]. В 1930 г. ГАИМК предполагала выделить 4500 рублей на раскопки Эски-Кермена, создав экспедицию под руководством Ф. И. Шмидта, в которой Н. И. Репникову поручалось техническое руководство раскопками. Основные работы этого сезона проводились по изучению базилики, осадного колодца и остатков оборонительных сооружений городища.

В конце 1930-х г. была создана специальная Готская группа в составе сектора Архаической формации ГАИМК. Возглавил ее В. И. Равдоникас, а сотрудниками стали Н. И. Репников, Ф. И. Шмидт и А. А. Спицын, привлеченный по договору, поскольку в это же время он был уволен из ГАИМК в связи с «необходимостью усиления научного состава Академии в методологическом отношении» [28, л. 98]. Н. И. Репников в группе должен был заниматься подготовкой отчетов и публикаций материалов раскопок на Эски-Кермене. За этими занятиями его и застал 8 марта 1931 г. неожиданный арест органами НКВД. Причинами ареста вероятнее всего стали связи Н. И. Репникова с академиком С. Ф. Платоновым и А. М. Мервартом, обвинявшимися по «Академическому делу», в том числе и в шпионаже в пользу Германии [1, с. 347]. Поводом для такого обвинения стали контакты с немецкими

учеными в Крыму в 1929 г. и планы совместной экспедиции для раскопок памятников крымских готов. Во всяком случае, как видно из следственного дела, следователей интересовали только эти эпизоды научной биографии Н. И. Репникова. В заключении он пробыл недолго и 9 мая 1931 г. был освобожден из-под стражи, так как «Академическое дело» шло к концу и новые показания против главных фигурантов, вероятно, уже не требовались. К тому же биография ученого была вполне подходящей для советской власти – сын крестьянина, «вышедший в люди», ни в каких партиях никогда не состоявший и очень далекий от политики. Да и не 1937 год еще был, тогда бы уже вряд ли отпустили... А вот реакция некоторых коллег в ГАИМК на его арест была весьма любопытной.

В архиве ИИМК РАН сохранился отзыв о научной деятельности Н. И. Репникова, составленный известным археологом А. А. Миллером и датированный 2 мая 1931 г., т.е. временем, когда Николай Иванович еще находился в заключении и о том, что скоро он выйдет на свободу вряд ли кто-нибудь мог знать. Имеет смысл привести этот документ полностью с сохранением авторской орфографии, пунктуации и разбивкой на абзацы: *«С Н. И. Репниковым я познакомился, будучи хранителем Этнограф. Отдела Русского музея и заведующим отделением Кавказа и Средней Азии.*

Я знал, что он археологическую подготовку получил в Археологическом Институте в Петербурге и работал одно время под руководством А.А.Спицына. Отношение его к Этнограф. Отделу началось сколько я знаю с дела исследований городища у Старой Ладogi.

Репников в своих работах до 1910 г. показал, что это городище представляет собой источник исключительного научного значения, прежде всего, что в особенности заинтересовало музей, по прекрасной степени сохранности таких материалов, которые в иных условиях с течением времени разрушаются без остатка. В слоях городища сохранились бревенчатые срубы зданий средневекового поселения, лыковые изделия, навоз домашнего скота и проч.

К этому времени в Этнографическом отделе по ходу развития экспедиций и собирания коллекций установилась точка зрения, что всякий этнографический материал возможно плодотворно изучать лишь в исторической перспективе, следовательно – на основе археологического материала. Я был сторонником этой точки зрения и одним из инициаторов систематических исследований Старо-ладожского городища как предприятия музея.

Работы эти в 1910 г. поручены были Репникову. Работы были начаты, но как они производились – в точности мне неизвестно, т.к. предприятие это не находилось в моем непосредственном ведении и производилось Репниковым самостоятельно.

Начатые в 1910 г. исследования продолжались и в последующие годы, до 1913 г. включительно, когда Советом Этнографического отдела решено было их прекратить. Мотивом к такому решению послужила общая тогда уверенность в том, что методика раскопок не стоит на уровне тех сложных задач, которые опреде-

лялись наличием в слоях городища многочисленных остатков разновременных деревянных построек.

В последний из указанных годов Репников состоял на службе в Этнограф. О. Музея как нештатный служащий, с прямыми задачами обработки материалов из раскопок в Старой Ладоге.

Репниковым представлен был отчет лишь за первую половину работ в Ладоге, что же касается последних лет, давших основной материал, то никакого отчета, не считая денежного, Репниковым сдано не было, как не было сдано, сколько мне известно, и списка предметов с отметками о месте их нахождения в городище. За исполнение этой работы Репников требовал особого вознаграждения, но по этому вопросу у него с соответствующим хранителем Музея не было достигнуто соглашения. В отсутствии научных отчетных материалов все обширные коллекции являлись таким образом значительно обесцененными.

Имел Репников от Музея и некоторые поручения в Пскове в связи с оценкой и приемкой коллекции Плюшкина.

Репников не пользовался репутацией человека, поглощенного научным интересом всецело. О нем говорили, что он продает древности, что он имеет собственные коллекции и проч.

Из его сношений с Музеем видно, что помимо раскопок в Ладоге, Репников то приносит в дар Музею древности, то – продает, то от Музея он получает благодарности, то ассигновки.

Деятельность Репникова сопровождалась слухами и рассказами о каких-то недобропорядочных просто делах. В 1918 или 1919 году в б. Археологической комиссии (или уже преобразованной в Академию истории материальной культуры) возник вопрос о пополнении личного состава, и в качестве одного из кандидатов названо было имя Репникова. Против этого возражали покойный Б. В. Фармаковский и я, и кандидатура была снята. В частном разговоре после заседания Фармаковский намекнул мне о какой-то «истории Репникова в Эрмитаже», но в чем она заключалась – мне не сказал. В связи с коллекцией Плюшкина в Пскове, у Репникова произошло резкое столкновение с одним из наследников, дело это перенесено было в суд, но в чем заключается эта история и чем она кончилась, - не помню. Музей к этому не имел отношения.

Резюмируя мое отношение к Репникову, могу сказать следующее:

1) Репников, как археологический работник, занимался главным образом полевыми работами, и его исследования имели характер поиска и добычи древностей.

2) Полевые исследования не были обставлены условиями необходимой осторожности и бережливого отношения ко всему комплексу, о чем сужу по сведениям, например, о недавних работах в Крыму, когда Репников разбивал крышки могильных каменных ящиков...

3) У Репникова в прежнее время (не говорю о последних годах, т. к. не знаю) было недопустимое смешение частного коллекционерства с научной работой для

учреждений и продаж древностей.

4) *Обладая значительными формальными знаниями русской научной литературы, Репников в методологическом отношении не является серьезно подготовленным исследователем»* [18, л. 1–2об.].

Столь критический отзыв вышел из-под пера Александра Александровича Миллера, считавшегося одним из лучших в ГАИМК специалистов по полевой методике и являвшегося членом комиссии Академии по раскопкам. Вероятнее всего, отзыв был подготовлен по запросу ОГПУ. Такой вывод можно сделать, если учесть, что годом ранее А. А. Миллер написал похожий отзыв о деятельности Г. И. Боровко в Таманской экспедиции, обнаруженный в следственном деле репрессированного археолога [25, с. 159–160].

Из текста вышеприведенного документа хорошо видно, что критическое отношение к научной деятельности Н. И. Репникова появилось у А. А. Миллера еще в годы их совместной работы в Этнографическом отделе Русского музея в дореволюционный период. С момента своего создания Этнографический отдел начал наряду с этнографическими материалами собирать и археологические коллекции. Особая активизация в этой сфере собирательской деятельности в Русском музее произошла к концу первого десятилетия XX в. и была связана с приходом в отдел Ф. К. Волкова и А. А. Миллера [34, с. 541]. На заседании Этнографического отдела 9 января 1909 г. было принято решение продолжить собирание археологических коллекций «т.к. они объясняют нам данные этнографии» и выделить на эти цели в бюджете музея 1000 рублей в год [34, с. 541–542]. На заседании 1 мая этого же года заведующий Этнографическим отделом Н. М. Могилянский предложил выделить Н. И. Репникову на раскопки в Старой Ладогe 500 рублей, а в заседании 9 октября А. А. Миллер докладывая об этих раскопках предложил для описания археологических коллекций отдела «пригласить в качестве регистратора коллекций Н. И. Репникова с оплатой 75 рублей в месяц, начиная с 14 октября» [9, д. 63, л. 34, 55об.].

Так что в своем отзыве А. А. Миллер несколько лукавил, когда утверждал, что не знал как производились работы в Ладогe, поскольку неоднократно докладывал о них на заседаниях отдела, а по меньшей мере в 1913 г. и сам побывал в Старой Ладогe [9, д. 72, л. 16, 44; Оп. 2, д. 497, л. 49]. Более того, в августе–сентябре 1922 г. он трижды выезжал туда со студентами Археологического отделения Петроградского университета и проводил разведочные работы на Земляном городище, изучая, прежде всего, стратиграфию памятника. Первая поездка длилась с 29 июля по 1 августа, вторая осуществлялась по поручению Этнографического отдела Русского музея с 19 по 26 августа, а третья – с 10 по 20 сентября. В ходе этих работ были выполнены расчистки основания стены каменной крепости между Воротной и Стрелочной башней, но основное внимание уделялось Земляному городищу. Были зачищены стенки раскопа Н. И. Репникова и обрез вала со стороны Волхова. А. А. Миллер называл это «выемкой земли», поэтому не очень понятен масштаб работ – были ли только зачистки или все же небольшие раскопки. Полноценного отчета об этих исследо-

ваниях не обнаружено, в фонде А. А. Миллера в Научном архиве ИИМК РАН есть только краткая информация о них и папка с материалами, включающая в себя как различные выписки со сведениями о Старой Ладоге из письменных источников и скандинавских саг, из работ Н. Е. Бранденбурга и Н. И. Репникова, так и зарисовки, обмеры, наброски чертежей [19]. А. А. Миллер также писал, что задачу продолжения исследований Земляного городища готов взять на себя Этнографический отдел с привлечением специалистов почвоведов и геологов из Института археологической технологии РАИМК, «поскольку изучение почв почвоведом даст возможность подойти к основному вопросу: установление культурной стратиграфии этого древнего поселения» [19, д. 2, л. Зоб.]. Таким образом, видно, что А. А. Миллер считал, что Н. И. Репников данную задачу не выполнил и намеревался заняться этим сам. Однако, на следующий год он начинает масштабную Северо-Кавказскую экспедицию, отвлекшую от этого намерения.

За четыре года раскопок 1909–1913 гг. на Земляном городище Русский музей израсходовал на них более 3000 рублей, ежегодно полностью расходуя все средства, выделяемые на пополнение археологического собрания. Обычно прекращение этих работ связывают с началом Первой мировой войны, но на это можно заметить, что они даже не планировались на 1914 г., а с 1 февраля этого года Н. И. Репников уже покинул Этнографический отдел. В отзыве А. А. Миллер утверждал, что работы были прекращены, так как вызвала сомнения методика раскопок слоев с деревянными конструкциями, используемая Н. И. Репниковым. Между тем, современные исследователи Старой Ладого полагают, что разведки и раскопки Н. И. Репникова были даже выше уровня своего времени, и он стал первопроходцем в изучении культурных слоев раннесредневекового древнерусского города [14, с. 50; 12, с. 7; 24, с. 47]. Вероятнее всего, на решение Этнографического отдела о прекращении раскопок Земляного городища мог повлиять скандал, раздуваемый газетой «Новое время», на страницах которой прозвучали обвинения в адрес Н. И. Репникова в утрате значительной части фрагментов фресок церкви Св. Климента, находящейся на городище [23]. К этим обвинениям присоединился и Н. Е. Макаренко, утверждая на заседании Русского археологического общества, что большая часть раскопанных фресок не была собрана.

Также можно предполагать, что у сотрудников отдела, и прежде всего у А. А. Миллера, могли возникать чувства ревности и неудовольствия по поводу того, что все денежные средства на пополнение археологического собрания музея уходили к Н. И. Репникову. А. А. Миллер сам в эти годы вел раскопки на Елизаветовском городище и могильнике в низовьях Дона и претендовал на роль разработчика методики исследований культурных напластований земляных городищ. Позднее в отчете о раскопках Кобякова городища он, подчеркивая свой приоритет, прямо писал: «Не имея до сих пор ни в русской, ни в иностранной археологической практике какого-нибудь образцового примера исследований земляных городищ, пришлось разрабатывать этот сложный вопрос на месте» [17, с. 110]. А. А. Миллер становился

все более влиятельной фигурой и в Этнографическом отделе, и в музее в целом. Не случайно именно его через несколько лет, в 1918 г., коллеги избрали директором Русского музея. Конкуренты ему были не нужны.

Информация в отзыве о том, что Н. И. Репников продавал музею этнографические и археологические предметы, соответствовала действительности, но это являлось обычной практикой того времени, с которой хорошо знаком был и сам А. А. Миллер. Хранители музеев, например, Императорского Эрмитажа, регулярно покупали на личные средства отдельные предметы древности и целые коллекции, а потом продавали их музею, возвращая свои деньги [35, с. 438]. Так, в сентябре 1913 г. Н. И. Репников предложил Этнографическому отделу частную коллекцию готских древностей, приобретенную им в Крыму за 376 рублей, эту же сумму ему и возместили. В октябре 1915 г. отдел купил у него за 175 рублей двенадцать стеклянных и один глиняный сосуд из находок на Северном Кавказе [9, д. 89, л. 33об.; д. 103, л. 29]. Все это являлось обычным способом пополнения собраний музея, а вовсе не торговлей древностями, в которой А. А. Миллер обвинял Н. И. Репникова. Также необходимо учитывать, что в дореволюционной России при наличии частной собственности на землю существовал абсолютно легальный рынок археологического антиквариата, и многие известные археологи имели собственные коллекции древностей. В качестве примера можно указать крупнейшие собрания египтолога В. С. Голенищева, являвшегося одновременно хранителем отдела древностей Императорского Эрмитажа, и председателя Императорской археологической комиссии графа А. А. Бобринского [36, с. 337–340].

Ситуация изменилась после национализации земли и отмены частной собственности. В первые послереволюционные годы Н. И. Репникову приходилось распродавать с огромным трудом собранную библиотеку и коллекции, чтобы хоть как-нибудь свести концы с концами. При мизерном жаловании в Главархиве у него на руках оказались две большие старухи – родная и крестная мать. А. П. Лебедевская писала С. Ф. Платонову о бедственном положении ученого: «Продаются уже книги, которые столько лет собирались и представляют собой ценность как специальные подборки по новгородскому и русскому искусству, на очереди продажа икон, монет и остальных древностей, которые собирались с большой любовью, затратами и трудами целых 20 лет и предназначались в наследство Археологическому институту» [7, с. 47–48].

В октябре 1924 г. Н. И. Репников был привлечен к суду по обвинению «в сокрытии памятников старины и искусства», и Народный суд Петроградского района г. Ленинграда постановил «подвергнуть его принудительным работам неквалифицированного физического труда сроком на две недели, а иконы конфисковать и передать в Музейный фонд» [4, с. 19]. Представляется, что эта история, создающая опасный прецедент для многих коллег, широко обсуждалась в кругах ленинградских археологов и музейщиков и, без сомнения, была хорошо известна А. А. Миллеру. Но он мог и не знать, что в начале 1925 г. Губернский суд Ленинграда отменил

этот приговор за отсутствием состава преступления, поскольку согласно инструкции Отдела по делам музеев и охраны памятников старины от 17 августа 1923 г. Н. И. Репников, являющийся ученым-археологом, имел право хранить у себя подобные предметы [15, л. 43об.].

Туманные намеки на какую-то «историю в Эрмитаже», якобы рассказанную Б. В. Фармаковским, выглядят очень странно, если учесть, что Николай Иванович никогда не работал в Эрмитаже и каких-либо дел с ним не имел. А. А. Миллер прямо пишет в отзыве, что когда кандидатура Н. И. Репникова была предложена в члены РАИМК, он и Б. В. Фармаковский выступили против. Можно предполагать, что при этом отсутствовал А. А. Спицын, который мог бы заступиться за своего ученика.

Впрочем, в научной школе палеоэтнологов, к которой, будучи учеником Ф. К. Волкова, принадлежал А. А. Миллер, А. А. Спицын большим авторитетом не пользовался. Во всяком случае, представитель этой школы – заведующий Этнографическим отделом Русского музея Н. М. Могилянский написал сугубо критическую рецензию на вполне добротную сводку А. А. Спицына о памятниках палеолита в России [27, с. 159–160].

О скрытой борьбе между учениками А. А. Спицына и школой А. А. Миллера впрямую свидетельствует личное письмо Т. Ф. Геллаха В. И. Равдоникасу, написанное 10 июля 1929 г. Мне уже доводилось публиковать этот документ [33, с. 281–282], поэтому здесь можно ограничиться только некоторыми выдержками из него. В ответе на письмо В. И. Равдоникаса, полученном через Н. И. Репникова, автор сообщает своему корреспонденту о заметном ухудшении своего положения в Ленинградском университете: «Среди моих слушателей были миллеровцы, которые, конечно, не без сторонних влияний наговорили на меня целую кучу небылиц. Поставили мне в вину то, что я ученик Спицына, что я вещевед, что я не марксист, никаких работ не имею и 12 лет состою бесплодным ассистентом... я видел их скептические улыбки, когда я упоминал такие имена как Гриневич, Репников, Городцов и т.д. Они так же мыслили, как и наши с тобою враги в А.М.К. (ГАИМК – И.Т.)». Далее он описывал ситуацию, когда председатель отделения истории материальной культуры ямфака Б. Л. Богаевский, получив нелицеприятные сведения о В. И. Равдоникасе от А. А. Миллера, решил предложить должность старшего ассистента, занимаемую Т. Ф. Геллахом, В. И. Равдоникасу, что «сталкивало двух приятелей, тебя и меня, т.к. наивно, конечно, думать, что Богаевский не знает нашу троицу (Н.Ив. (Репников – И.Т.), я и ты). При чем, поскольку у тебя были более прочные позиции по политической линии, а у меня даже появились трещины (на студенческом фронте), то возможно была еще перспектива и вышибить меня тобою» [26, л. 3].

Также следует учесть, что с конца 1920-х гг. нарастал конфликт А. А. Миллера с К. Э. Гриневичем, который с 1927 г. совмещал директорство в Херсонесском музее с работой на посту заместителя заведующего музейным отделом Наркомпроса. Эти личные взаимоотношения были связаны с борьбой за монополию в руководстве археологическими исследованиями между ГАИМК, с одной стороны, и Наркомпро-

сом, с другой [5, с. 279]. Н. И. Репников был в дружеских отношениях с К. Э. Гриневичем, об этом явно свидетельствует празднование в августе 1928 г. двадцатипятилетнего юбилея научной деятельности Николая Ивановича в Херсонесе. Организовать это торжественное заседание с участием руководителя Главнауки Наркомпроса Ф. Н. Петрова мог только К. Э. Гриневич, он же и выступил с докладом о научной деятельности Н. И. Репникова. Поздравления прислали вице-президент АН СССР А. Е. Ферсман, председатель ГАИМК, академик Н. Я. Марр, директора Государственного исторического, Одесского, Керченского, Севастопольского, Алушкинского музеев. Юбилея поздравили В. А. Городцов, И. Э. Грабарь, Н. П. Лихачев, В. П. Бузескул, К. М. Бороздин, А. И. Маркевич. А. А. Спицын прислал телеграмму «Шлю привет моему достойному ученику», а в телеграмме В. И. Равдоникаса говорилось: «Прими в этот знаменательный день поздравления друга. Убежден, что следующее двадцатипятилетие будет еще более славным, чем Сууксу, Партенит, Ладога. Пусть Эски-Кермен даст лучшие подарки юбиляру» [15, л. 81–82]. Мало кто из археологов в то время удостоивался такого чествования, например семидесятилетний юбилей А. А. Спицына, пришедшийся на этот же год, и даже месяц, прошел в СССР незамеченным. Откликнулись на него только за рубежом, в Праге и Хельсинки.

Это чествование, несомненно, способствовало росту авторитета Н. И. Репникова в научных кругах, особенно, Крыма, что было важно в условиях конкуренции с Н. Л. Эрнестом за право раскопок Эски-Кермена, но у ряда ленинградских коллег могло вызывать и раздражение. Юбилеев А. А. Миллера, ранее Н. И. Репникова начавшего научную деятельность, никто не отмечал.

В целом, как представляется, негативный характер отзыва был продиктован общим субъективным скептическим отношением А. А. Миллера к представителю другой школы в археологии. На резкий тон отзыва могли оказывать влияние и насаждаемая с конца 1920-х гг. партийными органами идеологическая кампания по критике и самокритике. Также представляется, что в это время ученые еще не очень осознавали какие последствия для коллег могли иметь подобные отзывы.

Вероятнее всего, этот отзыв не получил никакого официального хода и остался среди личных бумаг А. А. Миллера, поскольку Н. И. Репников был вскоре освобожден и вернулся к работе в ГАИМК. Летом этого же 1931 г., по иронии судьбы, он был включен в состав Таманской экспедиции и работал под руководством А. А. Миллера. Весной 1932 г. его даже включили в комиссию, которая рассматривала проблемы, связанные с деятельностью этой экспедиции. В 1933 г. арестованным по «делу славистов» оказался уже сам А. А. Миллер, и судьба не была к нему благосклонна – вернуться оттуда ему было уже не суждено.

Впрочем, у нового партийного руководства ГАИМК Н. И. Репников особого доверия не вызывал, и в составленной на него в мае 1933 г. характеристике говорилось: *«Научный сотрдн. Г разр. Ученик умершего реакционного археолога А. А. Спицына. Имеет обширные знания в области археологии, но методологически беспомощен. Пытается быть полезен в своей научной работе хозяйственному строительству*

(исследования Эски-Керменского водопровода в Крыму – см. Сообщ. ГАИМК, 1932 г. № 7–12). По своим взглядам человек старый, но антисоветских настроений не проявляет. В высшей степени дисциплинирован и точно выполняет все поручения президиума Академии, хотя проявляет тенденции к рвачеству. Подхалим. В недавнем прошлом был арестован органами ГПУ, но выпущен. Беспартийный. По данным анкеты – сын крестьянина. Имеет около 25 печ. работ. Научный стаж 24 года» [29, л. 45–46]. По нашим предположениям, основным автором подобных характеристик являлся С. Н. Быковский.

Тем не менее, это не отразилось на положении Н. И. Репникова в ГАИМК, и в 1931–1937 гг. он провел целую серию археологических работ в Крыму: в Эски-Кермене, Феодосии, руководил Гераклеийской и Инкерманской экспедициями. В личном деле Н. И. Репникова сохранился еще один отзыв о его научной деятельности. Он был написан в июне 1935 г. М. И. Артамоновым и имел, несомненно, более объективный характер и уважительный тон по отношению к заслуженному ученому: «С именем Николая Ивановича Репникова связан целый ряд археологических работ и открытий, представляющих большое научное значение. Еще в 1902 г. им был обнаружен и в последующие годы раскопан замечательный могильник в Суук-Су возле Гурзуфа. Эти исследования являются начальным звеном дальнейших разысканий Н. И. Репникова на территории Крыма и основой его интереса к памятникам Крымских готы и Готской эпохе. Производимые, начиная с 1930 г., Н. И. Репниковым исследования Эски-Керменского городища, в известной мере, подводят итоги его предварительным разысканиям в этом отношении, включающим целый ряд важных открытий на территории Крыма. Из отдельных памятников исследованных им в Крыму необходимо отметить могильник в Байдарской долине, и Партезитскую базилику.

Второй крупной заслугой являются исследования в Старой Ладозе, в 1909–1913 гг., давшие представление о древнем городе и обильный вещественный материал, к сожалению, до сих пор надлежаще не изданный и не изученный. Кроме этих двух предприятий, представляющих крупное научное значение, Н. И. Репников осуществил за время своей более чем 30-ти летней археологической деятельности ряд других археологических и искусствоведческих работ. По характеру своей научной деятельности Н. И. Репников принадлежит к числу тружеников науки, занятых черновым и малоблагодарным трудом по добыванию и подготовке вещественного источника. Он является крупным затокком вещественных памятников самого разнообразного характера. Не говоря уже о древностях готской эпохи и вообще памятников Крыма, в знании которых едва ли кто может соперничать с Н. И. Репниковым, он знаток произведений древнерусского искусства и его посредничеству наши музеи обязаны целым рядом приобретений и высококачественных памятников этого рода.

К сожалению, отмеченные выше знания Н. И. Репникова в значительной мере остаются «знаточеством» и добываемый им археологический материал нередко

весьма серьезно страдает в своем качестве вследствие вещественного подхода к его изучению» [15, л. 44].

В январе 1937 г. Институт истории феодального общества ходатайствовал перед президиумом ГАИМК о переводе Н. И. Репникова с должности старшего научного сотрудника в действительные члены института с окладом в 450 рублей, что и было осуществлено распоряжением № 102 от 3 марта этого же года, правда, с окладом на 50 руб. меньше. Казалось бы, положение заслуженного ученого было прочным, но во второй половине 1937 г. произошли серьезные изменения. 5 августа Президиум АН СССР принял решение о создании на базе ликвидированной ГАИМК Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра в составе Академии наук СССР. Штаты были значительно урезаны и назначенный директором института академик И. А. Орбели был вынужден уволить большую группу сотрудников. 7 декабря среди них оказался и Н. И. Репников, уволенный одним приказом с Н. Н. Ворониным [15, л. 1]. Стараясь поддержать старого товарища, В. И. Равдоникас, ставший к этому времени заведующим кафедрой археологии на историческом факультете ЛГУ, организовал 28 июня 1938 г. присуждение ему Ученым советом степени кандидата исторических наук без защиты диссертации. Это был не единичный случай, таким же образом в тот год эту степень получили археологи В. Ф. Гайдукевич, М. К. Каргер, А. А. Иессен [38, л. 18–21]. Вскоре после получения степени, В. И. Равдоникас пригласил Н. И. Репникова в качестве консультанта принять участие в новых раскопках на Земляном городище Старой Ладogi, начатых кафедрой археологии Ленинградского университета. Там с первым исследователем городища произошел несчастный случай – он упал и получил серьезные переломы, приведшие к инвалидности, а 25 декабря 1940 г. его не стало. В последние годы жизни Н. И. Репников сумел подготовить краткое описание своих работ в Старой Ладoge, но из-за начавшейся войны эта книжка вышла только в 1948 г.

История же с резко критическим отзывом А. А. Миллера о научной деятельности Н. И. Репникова поучительна и показывает, что на драматическую идейно-политическую ситуацию начала 1930-х гг., в которой существовала российская археология, могли оказывать влияние еще и личностные взаимоотношения между отдельными группами ученых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова Н.А. Уголовное дело № 2782-31 по обвинению Репникова Н. И. и группы лиц в контрреволюционной деятельности // Археологические вести. СПб., 2020. Вып. 30. С. 343–348.
2. Бернштам А.Н., Бибиков С.Н. Н.И. Репников (1882–1940) [Некролог] // КСИИМК. 1941. Вып. IX. С. 121–123.
3. Бойцова О.С. Судьба археологической коллекции Н.И. Репникова из раскопок на земляном городище в Старой Ладоге // Староладожский сборник. СПб., 2009. Вып. 7. С. 5–12.
4. Виноградов Ю.А. Н.И. Репников. Штрихи к портрету // «Гераклейский сборник» 1936 г. / ред. Ю.А. Виноградов, Т.Н. Смекалова. СПб.: Алетейя, 2019. С. 16–24.
5. Виноградов Ю.А., Застрожнова Е.Г., Медведева М.В. Таманская экспедиция ГАИМК и исследование Фанагории // Боспорские исследования. 2021. Вып. XLII. С. 271–301.
6. Герцен А.Г. Н.И. Репников о Мангупе // Историческое наследие Крыма. 2008. № 22–23. С. 30–38.
7. Груздева Е.Н. «Под стенами» Св. Климента: Н.И. Репников и А.П. Лебедеванская // Староладожский сборник. СПб., 2009. Вып. 7. С. 42–48.
8. Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред. И.В. Тункина. М.: Индрик, 2017. 672 с.
9. Журналы заседаний Этнографического отдела Русского музея императора Александра III // Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54, 63, 72, 89, 103, 497.
10. Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: в 2-х т. / ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН, 2019. Т. 1. 888 (1616) с.
11. Емельянова Н.С. С.П. Петренко и Н.И. Репников: учитель и ученик // Причерноморье. История, политика, культура. Серия: Античность и средневековье. 2019. № XXX (IX). С. 17–22.
12. Кирпичников А.Н. Историко-культурное исследование Старой Ладоги // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб.: Невская Книжная Типография, 2018. С. 7–20.
13. Королькова Л.В. Н.И. Репников – исследователь Северо-Запада России // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб., 2004. С. 118–125.
14. Кузьмин С.Л. Стратиграфия и некоторые проблемы истории Староладожского поселения VIII–X вв. // Stratum Plus. 2000. № 5. С. 50–69.
15. Личное дело Н.И. Репникова // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 554.
16. Медведева М.В. О работах Н.И. Репникова 1912 г. по регистрации памятников старины Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии // Староладожский сборник. СПб., 2009. Вып. 7. С. 13–25.
17. Миллер А.А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 годах // Сообщения ГАИМК. 1926. Вып. 1. С. 71–142.
18. Миллер А.А. Отзыв о работах Н.И. Репникова в связи с Этнографическим отделом Государственного Русского музея // РО НА ИИМК РАН. Ф. 24. Д. 41. Л. 1–2об.
19. Миллер А.А. Старая Ладога // РО НА ИИМК РАН. Ф. 24. Д. 2, 3.
20. «Не закрываю глаз на сложность, трудность и ответственность предстоящей работы в области охраны и изучения памятников Крыма...». Письма Н.И. Репникова к И.Э. Грабарю [подготовка к публикации, предисловие и комментарии Е.А. Теркель] // Историческое наследие Крыма. 2008. № 22–23. С. 320–327.
21. Непомнящий А.А. Николай Эрнст и Николай Репников: к истории одного конфликта // Праці Центру пам'яткознавства. Київ, 2011. Вып. 19. С. 143–159.
22. Непомнящий А.А. «Рапорт об Эски-Кермене» Н.И. Репникова академику С.Ф. Платонову: неизвестная рукопись // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2017. Том 3 (69), № 4. С. 78–83.
23. Новое время. 1912. 12 декабря (№ 13203).

24. Носов Е.Н. Глава 2. Стратиграфия Земляного городища Старой Ладоги: итоги и перспективы исследований // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб.: Невская Книжная Типография, 2018. С. 45–65.
25. Панкратова (Застрожнава) Е.Г. «Я не верю, что все окончится плохо, это было бы слишком несправедливо...»: к биографии археолога Г.И. Боровки (по материалам следственного дела) // Российская археология. 2019. № 2. С. 154–166.
26. Письмо Т.Ф. Гелаха В.И. Равдоникасу 10.06.1929 г. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1049. Оп. 3. Ед. 54.
27. Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.
28. Приказы по ГАИМК // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 11.
29. Протоколы заседаний бюро коллектива ВКП(б) ГАИМК // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 16.
30. [Равдоникас В.И.] Памяти Н.И. Репникова // Старая Ладога. Л., 1948. С. 7–10.
31. Робинсон М.А. Первый международный съезд славистов в Праге: надежды, разочарования, и неосуществимые проекты (по материалам переписки русских славистов) // Славянский мир: Общность и многообразие: К 1150-летию славянской письменности: Международная научная конференция: Тезисы. Ч. 1. М., 2013. С. 80–84.
32. Старая Ладога / Отв. ред. В.И. Равдоникас. Л.: Государственный музей этнографии, 1948.
33. Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историкографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 332 с.
34. Тихонов И.Л. Археология в этнографических музеях Санкт-Петербурга XIX – начала XX вв. // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. С. 527–547.
35. Тихонов И.Л. Археология в Императорском Эрмитаже // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 427–479.
36. Тихонов И.Л., Бильвина О.Л. Частные археологические коллекции в Санкт-Петербурге в XIX – начале XX вв. // Археологическая наука: Практика, теория, история. Сборник статей памяти И.С. Каменецкого. М.: ИА РАН, 2016. С. 326–345.
37. Тихонов И.Л. Репрессии в ГАИМК: случай партийцев: С.Д. Димитрова и А.И. Кауля // Интеркультурная философия: полилог традиций: Сб. трудов конференции / Отв. ред. А.В. Малинов, А.Е. Рыбас. СПб.: Интерсоцис, 2020. С. 270–275.
38. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 403.
39. Юрочкин В.Ю. Готский вопрос. Симферополь: Сонат, 2017. 496 с.
40. Юрочкин В.Ю., Емельянова Н.С. «Народный ученый» – Н.И. Репников и Херсонес // Археология античного и средневекового города. Сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова / отв. ред. В.В. Майко. Севастополь, Калининград, 2018. С. 319–332.
41. [Яковлев П.С.] Памятная книжка Императорского Археологического института в Санкт-Петербурге. 1878–1911 гг. Составлена почетным членом института П.С. Яковлевым. СПб.: Типография В.Д.Смирнова, 1911. 100 с.

REFERENCES

1. Abramova N.A. Criminal case No. 2782-31 on charges of N.I. Repnikov and a group of persons in counter-revolutionary activities. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news], St Petersburg, 2020, vol. 30, pp. 343–348.
2. Bernshtam A.N., Bibikov S.N. N.I. Repnikov (1882–1940) [Obituary]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture], 1941, vol. 9, pp. 121–123.
3. Boitsova O.S. The fate of the archaeological collection of N.I. Repnikov from excavations at the earthen settlement in Staraya Ladoga. *Staroladozhskii sbornik* [Staraya Ladoga collection], St Petersburg, 2009,

- vol. 7, pp. 5–12.
4. Vinogradov Iu.A. N.I. Repnikov. Strokes to the portrait. Vinogradov Iu.A., Smekalova T.N. (Eds.), «*Gerakleiskii sbornik*» 1936 g. [“Heracleian collection” 1936], St Petersburg, Aleteiia Publ., 2019, pp. 16–24.
 5. Vinogradov Iu.A., Zastrozhnova E.G., Medvedeva M.V. Taman expedition of the GAHMK and researches of Phanagoria. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2021, vol. 42, pp. 271–301.
 6. Gertsen A.G. N.I. Repnikov about Mangup. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical Heritage of Crimea], 2008, no. 22–23, pp. 30–38.
 7. Gruzdeva E.N. “Under the Walls” of St. Clement: N.I. Repnikov and A.P. Lebedyanskaya. *Staroladozhskii sbornik* [Staraya Ladoga collection], St Petersburg, 2009, vol. 7, pp. 42–48.
 8. Zhebelev S.A. *Russkoe arkhelogicheskoe obshchestvo za tret’iu chetvert’ veka svoego sushchestvovaniia. 1897–1921: Istoricheskii ocherk. Prilozhenie: Bibliograficheskii slovar’ chlenov RAO (1846–1924)* [Russian Archaeological Society for the third quarter of a century of its existence. 1897–1921: Historical sketch. Supplement: Bibliographic Dictionary of RAO Members (1846–1924)], Moscow, Indrik Publ., 2017, 672 p.
 9. Journals of the meetings of the Ethnographic Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III. *Archive of the Russian Ethnographic Museum*, F. 1, Op. 1, D. 54, 63, 72, 89, 103, 497.
 10. Musin A.E., Medvedeva M.V. (Eds.), *Imperatorskaia arkhelogicheskaiia komissiia (1859–1917): istoriia pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniia rossiiskoi arkhelogii ot osnovaniia do reformy* [Imperial Archaeological Commission (1859–1917): the history of the first state institution of Russian archeology from foundation to reform]. St Petersburg, IIMK RAN Publ., 2019, T. 1, 888 (1616) p.
 11. Emel’ianova N.S. S.P. Petrenko and N.I. Repnikov: teacher and student. *Prichernomor’e. Istoriiia, politika, kul’tura. Seriia: Antichnost’ i srednevekov’e* [Chernomor’e. History, politics, culture. Series: Antiquity and the Middle Ages], 2019, vol. 30, pp. 17–22.
 12. Kirpichnikov A.N. Historical and cultural research of Staraya Ladoga. *Novoe v arkhelogii Staroi Ladogi: materialy i issledovaniia* [New in the archeology of Staraya Ladoga: materials and research], St Petersburg, Nevskaiia Knizhnaia Tipografiia Publ., 2018, pp. 7–20.
 13. Korol’kova L.V. N.I. Repnikov – a researcher of the North-West of Russia. *Nevskii arkhelologo-istoriograficheskii sbornik. K 75-letiiu kandidata istoricheskikh nauk A.A. Formozova* [Nevsky archaeological and historiographic collection. To the 75th anniversary of the candidate of historical sciences A.A. Formozov], St Petersburg, 2004, pp. 118–125.
 14. Kuz’min S.L. Stratigraphy and some problems of the history of the Staraya Ladoga settlement in the 8th–10th centuries. *Stratum Plus*, 2000, vol. 5, pp. 50–69.
 15. Personal file of N.I. Repnikova. *Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*, F. 2, Op. 3, D. 554.
 16. Medvedeva M.V. About the works of N.I. Repnikov 1912 according to the registration of ancient monuments of the Novoladozhsky district of the St. Petersburg province. *Staroladozhskii sbornik* [Staraya Ladoga collection], St Petersburg, 2009, vol. 7, pp. 13–25.
 17. Miller A.A. Brief report on the work of the North Caucasian expedition of the GAIMK in 1924 and 1925. *Soobshcheniia Gosudarstvennoi akademii istorii material’noi kul’tury* [Messages of the State Academy of the History of Material Culture], 1926, vol. 1, pp. 71–142.
 18. Miller A.A. Feedback on the works of N.I. Repnikov in connection with the Ethnographic Department of the State Russian Museum. *Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*, F. 24, D. 41, L. 1–2ob.
 19. Miller A.A. Staraya Ladoga. *Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*, F. 24, D. 2, 3.
 20. “I do not close my eyes to the complexity, difficulty and responsibility of the forthcoming work in the field of protection and study of the Crimean monuments...”. Letters from N.I. Repnikov to I.E. Grabar [preparation for publication, foreword and comments by E.A. Terkel]. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical Heritage of Crimea], 2008, vol. 22–23, pp. 320–327.
 21. Nepomniashchii A.A. Nikolai Ernst and Nikolai Repnikov: on the history of one conflict. *Pratsi Tsentru pam’iatkoznavstva* [Proceedings of the Center for Monument Studies], Kiev, 2011, vol. 19, pp. 143–159.

22. Nepomniashchii A.A. "Report about the Eski-Kermen" N.I. Repnikov to the Academician S.F. Platonov: Unknown Manuscript. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Serii «Istoricheskie nauki»* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science], 2017, vol 3 (69), no. 4, pp. 78–83.
23. *Novoe vremia* [New Time], 1912, December, 12 (no. 13203).
24. Nosov E.N. Chapter 2. Stratigraphy of the Earthen settlement of Staraya Ladoga: results and prospects of research. *Novoe v arkhologii Staroi Ladogi: materialy i issledovaniia* [New in the archeology of Staraya Ladoga: materials and research], St Petersburg, Nevskaiia Knizhnaia Tipografiia Publ., 2018, pp. 45–65.
25. Pankratova (Zastrozhnova) E.G. "I don't believe all this could go bad, it would be too unfair...": to the Biography of the archaeologist G.I. Borovka (based on investigation file materials). *Rossiiskaia arkhologiiia* [Russian Archaeology], 2019, vol. 2, pp. 154–166.
26. Letter T.F. Gelakh V.I. to Ravdonikas 06/10/1929. *St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences*, F. 1049, Op. 3, Ed. 54.
27. Platonova N.I. *Istoriia arkhologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraia polovina XIX – pervaiia tret' XX veka* [History of archaeological thought in Russia. Second half of the 19th – first third of the 20th century]. St Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2010, 316 p.
28. Orders for GAIMK. *Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*, F. 2, Op. 1, 1930, D. 11.
29. Minutes of the meetings of the bureau of the collective of the CPSU (b) GAIMK. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*, F. 1471, Op. 1, D. 16.
30. [Ravdonikas V.I.] In memory of N.I. Repnikov. *Staraya Ladoga*, Leningrad, 1948, pp. 7–10.
31. Robinson M.A. The First International Congress of Slavists in Prague: Hopes, Disappointments, and Impossible Projects (Based on Correspondence of Russian Slavists). *Slavianskii mir: Obshchnost' i mnogoobrazie: K 1150-letiiu slavianskoi pis'mennosti: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia* [Slavic World: Commonality and Diversity: To the 1150th Anniversary of Slavic Literature: International Scientific Conference], Part 1, Moscow, 2013, pp. 80–84.
32. Ravdonikas V.I. (Ed.), *Staraya Ladoga*. Leningrad, State Museum of Ethnography Publ., 1948.
33. Tikhonov I.L. *Arkhologiiia v Sankt-Peterburgskom universitete. Istoriograficheskie ocherki* [Archeology at Saint Petersburg University. Historiographical essays]. St Petersburg, University Publ., 2003, 332 p.
34. Tikhonov I.L. Archeology in the ethnographic museums of St. Petersburg in the 19th – early 20th centuries. *Rossiiskii arkhologicheskii ezhegodnik* [Russian Archaeological Yearbook], 2011, vol. 1, pp. 527–547.
35. Tikhonov I.L. Archeology in the Imperial Hermitage. *Rossiiskii arkhologicheskii ezhegodnik* [Russian Archaeological Yearbook], 2014, vol. 4, pp. 427–479.
36. Tikhonov I.L., Bil'vina O.L. Private archaeological collections in St. Petersburg in the 19th – early 20th centuries. *Arkhologicheskaiia nauka: Praktika, teoriia, istoriia. Sbornik statei pamiati I.S. Kamenetskogo* [Archaeological Science: Practice, Theory, History. Collection of articles in memory of I.S. Kamenetsky], Moscow, IA RAS Publ., 2016, pp. 326–345.
37. Tikhonov I.L. Repressions in GAIMK: the case of party members: S.D. Dimitrov and A.I. Kaul. Malinov A.V., Rybas A.E. (Eds.), *Interkul'turnaia filosofia: polilog traditsii: Sbornik trudov konferentsii* [Intercultural philosophy: a polylogue of traditions: Proceedings of the conference], St Petersburg, Intersotsiz Publ., 2020, pp. 270–275.
38. *Central State Archive of St. Petersburg*, F. 7240, Op. 14, D. 403.
39. Iurochkin V.Iu. *Gotskii vopros* [Gothic Question]. Simferopol, Sonat Publ., 2017, 496 p.
40. Iurochkin V.Iu., Emel'ianova N.S. "People's Scientist" – N.I. Repnikov and Chersonese. Maiko V.V. (Ed.), *Arkhologiiia antichnogo i srednevekovogo goroda. Sbornik statei v chest' Stanislava Grigor'evicha Ryzhova* [Archaeology of the ancient and medieval city. Collection of articles in honor of Stanislav Grigorievich Ryzhov], Sevastopol, Kaliningrad, 2018, pp. 319–332.
41. [Iakovlev P.S.] *Pamiatnaia knizhka Imperatorskogo Arkheologicheskogo instituta v Sankt-Peterburge. 1878–1911 gg.* [Commemorative book of the Imperial Archaeological Institute in St. Petersburg. 1878–1911]. St Petersburg, Tipografiia V.D. Smirnova, 1911, 100 p.

Информация об авторе

Тихонов И.Л. – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета, Researcher ID: M-8275-2013.

Author information

Tikhonov I.L. – Doctor of Science (History), Professor, Department of Archaeology, St.-Petersburg State University, Researcher ID: M-8275-2013.